

КУЛЬТУРНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 008+316.7

Ю.П. Шабаяев¹

Русский Север и Поморье в символическом и культурном ландшафте Европейского Севера РФ и в этнополитике²

Автор продолжает размышлять о культурной и национальной идентичности Русского Севера, обращаясь к проблеме культурных идентичностей в постсоветском пространстве. Особое внимание обращается на культурную идентичность поморов.

Ключевые слова: *Русский Север, Поморье, топоним, идентичность, этничность, коренные народы, поморы, русские.*

Yuri Shabayev. «Russian North» and Pomorye in the symbolic and cultural landscape of the European North of Russia and ethnic policy

The author continues to reflect on the cultural and national identity of the Russian North, referring to the issue of cultural identity in the post-

---

© Шабаяев Ю.П., 2016

¹ Начало статьи см. Человек. Культура. Образование. 2016, № 2 (20).

²Статья подготовлена в рамках проекта «Symbolic Cultural Landscapes: Development and Protection of Local Communities in the Russian North» (ERA.Net RUS Plus], а также при поддержке гранта 15-15-6-47 «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике» (проект Комплексной программы УрО РАН 2016г.)

Soviet space. Particular attention is drawn to the cultural identity of Pomorie.

Keywords: *Russian North, toponym, identity, ethnicity, native people, Pomors, Russians.*

Культурные идентичности на Европейском Севере в постсоветской России

Рубеж 1980–1990-х гг. характеризуется радикальными переменами в политической и экономической жизни и сменой правящего режима. Более того, в данную эпоху происходит резкая актуализация этничности и превращение ее в мощный политический ресурс [29]. В числе политических акторов появилось огромное количество этнополитических движений и организаций, в национальных республиках провозглашался приоритет местных законов над федеральными на основании принимавшихся одна за другой деклараций о суверенитете. Как реакция на парад суверенитетов начала 1990-х гг. [11] стали появляться идеи создания «русских» республик. В этой связи логично было предположить, что уже готовый культурный проект «Русский Север» приобретет политическое значение и будет использован региональными элитами для формирования региональной идеологии, создания региональных политических движений и административного реформирования территории Европейского Севера. Однако этого не произошло. Политический ресурс идеи был недостаточен, ибо фольклорно-этнографическое понимание термина «Русский Север», которое многие десятилетия культивировалось в научной среде, ограничивали возможности его политического использования. Но важнее было то, что советская система этнических статусов (которая довлела над сознанием политиков), внедренная большевиками, не наделяла русских статусом «коренного», а значит и государствообразующего народа. Поэтому новые республики предполагалось строить, основываясь на идеях регионализма или превращая локальные этнонимы и локальные

культурные традиции в политически значимые символы, конструируя новую этничность, которую лишь отчасти отождествляли с русскостью или не отождествляли вовсе [40].

Тем не менее в эпоху суверенизации первой половины 1990-х гг. появились проекты создания Уральской, Вологодской, Сибирской, а также Поморской республик. Более того, Уральская республика была провозглашена [основанием для этого послужили итоги местного референдума] и просуществовала несколько месяцев, пока не была ликвидирована указом президента Б. Ельцина. Что касается Поморской республики, то основанием для ее рождения явилась культурно-историческая специфика Европейского Севера. Для реализации идеи в 1992 г. ряд политических партий и организаций Архангельской области зарегистрировали Национальный культурный центр «Поморское возрождение». Многие лидеры движения, выступавшие за создание республики, тем не менее отказались на том этапе от формирования этнополитического поморского движения. В 1994 г. движение «Поморское возрождение» распалось на отдельные группы. Позднейшие попытки интегрировать поморские организации в рамках объединения «Поморский мир» также не были успешными. Однако «поморская идея» прочно утвердилась в региональном политическом дискурсе и стала обретать все более определенное культурное содержание.

Свое дальнейшее развитие поморская идея получила в недрах региональной политической организации «Демократическое возрождение Севера», которая действовала в Архангельской области до 2001 года. Ее политическим содержанием стало стремление некоторых местных интеллектуалов к культурному и политическому противопоставлению Центральной России и поморской Северной Руси. Идеолог движения Александр Иванов попытался определить, каковы пути формирования священного идеального мира на Севере и где исторические корни стремления к построению такого мира. Он, в частности, заявлял: «Поморы обладают особым чувством собственного достоинства и лю-

бовью к свободе. Причина этого в том, что на Севере не было крепостного права, а основной формой организации хозяйственной жизни была не община, а артель. У поморов отсутствует чувство врага, т.к. естественных ресурсов всегда хватало всем, а иностранцев воспринимали не как конкурентов, а как партнеров по торговле. Начавшиеся в глубокой древности контакты с Европой (морем Эдинбург, Осло и Бремен ближе Москвы) выработали западноевропейскую ориентацию сознания, отсутствие ксенофобии и уважение к демократическим институтам. Поморам исторически присуще презрение к московской власти – и царской, и советской, и постсоветской – за ее лживость, жестокость и творимый ею произвол. Поморы стремятся работать не на государство и как можно меньше зависеть от него» [33, с. 65].

С начала 2000-х гг. поморская идея из политической превращается в культурную. Значительный стимул к развитию поморского этнокультурного движения дали итоги переписи населения 2002 года, которые показали, что происходит процесс реидентификации и для части местного населения поморская идентичность вновь становится актуальной, а потому может быть зафиксирована статистически (6,5 тыс. чел. назвали себя поморами).

В 2003 г. в Архангельске была зарегистрирована национально-культурная автономия поморов г. Архангельска, а в начале 2004 г. община поморов как община коренных малочисленных народов Севера (ликвидирована по решению суда в 2011 г.). Некоторые лидеры поморов стали заявлять, что поморы не этнографическая группа и не субэтнос русского народа, а самостоятельная этническая группа. При этом они настаивали, что это не славянская, а финно-угорская группа (были и другие варианты понимания поморской идентичности). Председатель национального культурного центра Архангельска И. Мосеев в своем заключении «Этническое самоопределение и этногенез поморов» так сформулировал идеологическую основу поморской национально-культурной автономии: «Несмотря на многочисленные попытки ассимилировать поморов и представить

их лишь как составную часть великорусского этноса (этнографическая группа, субэтнос, популяция, сословие и т.д.), поморы сохранили свое этническое самосознание, о чем свидетельствуют результаты переписи 2002 г. ...Поморы – это самостоятельный этнос, первичная культура которого не была привнесена извне (из России), а возникла в ходе постепенного слияния местных угро-финских «протопоморских» культур и культуры первого древнерусского (но не «великорусского») населения» (цит. по: [38, с. 12]). Указанная позиция разделялась одно время и председателем национально-культурной автономии поморов г. Архангельска П. Есиповым, который по этому поводу замечал: «Предками поморов были такие финно-угорские племена, как саами, вепсы, корела...» [16, с. 3] У российских этнографов иной взгляд на этническую историю европейского севера. В частности И.В. Власова отмечает: «Новгородцы и ростовцы, с которыми было связано формирование русского населения Севера, хотя и представляли собой земельные областные общности, относящиеся к одному этносу, тем не менее, сами, с этнической точки зрения, имели смешанное происхождение, ибо жили и развивались в различных природных и хозяйственных условиях и при расселении в Восточной Европе, в том числе и по Северу, сталкивались с различными группами финно-угорского происхождения» [6, с. 39]. Поморское движение окончательно оформилось как самостоятельная региональная этнополитическая организация лишь к концу первого десятилетия XXI века. В 2008 г. прошел первый съезд поморов. В 2009 г. состоялся второй межрегиональный съезд поморов, который прошел в городе Умба Мурманской области.

Главное требование поморского движения – официальное признание поморов как самостоятельной этнической группы и предоставление им статуса коренного малочисленного народа и соответствующих преференций. Общественная поддержка у движения была, но о единой поморской идентичности говорить было сложно [43]. Систематизация поморской идентичности сложна, поскольку она исторически формировалась на фо-

не других этнических и региональных идентичностей, долгое время не была актуализирована и все еще достаточно неопределенна и сильно мифологизирована.

Более того, на пространстве Европейского Севера сегодня имеет место множество локальных, региональных, этнических идентичностей, но все они выражены довольно слабо. При этом, как показали итоги опроса, который был проведен нами в марте 2010 г. в трех региональных центрах Европейского Севера (Мурманске, Архангельске и Сыктывкаре), самой очевидной идентичностью является общая северная идентичность (северяне), которую респонденты воспринимают как гражданскую, но не как этническую идентичность и примерно две трети жителей названных городских центров однозначно идентифицируют себя подобным образом, на втором месте по значимости оказывается общероссийская гражданская идентичность, а этнические идентичности выражены достаточно слабо [39].

Безусловно, русские и сегодня являются крупнейшей этнической группой во всех регионах Европейского Севера: в Архангельской и Вологодской областях их доля, согласно данным переписи населения 2010 г., превышает 90 %, а в других она почти повсеместно растет (см. табл.), хотя абсолютная численность населения уменьшается как по причине отрицательного сальдо миграции, так и из-за превышения смертности над рождаемостью. Снижение численности населения северных регионов – устойчивая тенденция, причем этот процесс начался во всех регионах Европейского Севера примерно в одно и то же время, например в Вологодской области снижение населения идет неуклонно начиная с 1988 г., в Республике Коми – с 1990 г., в Мурманской области – с 1989 года. С 1989 по 2002 гг. Мурманская область потеряла 23 % своего населения, Ненецкий автономный округ – 24 %, Республика Коми – 18,6 % [35], а если принять во внимание материалы Переписи-2010, то оба субъекта потеряли с 1989 г. почти треть населения. При этом темпы миграции за пределы северных регионов после 2010 г. повсеместно почти не снижаются, за исключением двух регионов – Карелии и Ненец-

кого округа. Ситуация усугубляется тем фактом, что естественный прирост населения даже в тех немногих регионах Европейского Севера, где он был зафиксирован (Мурманская область и Коми), или уже стал, или в ближайшее время станет отрицательным, о чем можно судить по данным текущей статистики. По существу, ныне происходит процесс деколонизации Европейского Севера, в результате которого деградируют и перестают существовать не только многие села и деревни, но и поселки, а в ближайшей перспективе вопрос стоит о ликвидации крупных поселений и целых городов.

Значительный по масштабам миграционный отток населения из регионов Европейского Севера порожден, в первую очередь, причинами социально-экономического порядка, которые снизили привлекательность севера для мигрантов, но стимулируется и будет стимулироваться и самой усиливающейся «миграционной готовностью» населения.

Изменение доли русских в составе населения регионов Европейского Севера по данным переписей населения, в % по результатам опроса населения Мурманска, Архангельска и Сыктывкара, осуществленного нами в марте 2010 года:

Показатели	1970	1979	1989	2002	2010
Архангельская обл.	92,1	92,4	92,2	95,2	95,6
Вологодская обл.	97,6	97,2	96,4	96,6	97,3
Мурманская обл.	84,6	83,8	82,9	85,3	89,0
Ненецкий АО	64,5	65,8	65,6	62,4	66,1
Республика Карелия	68,2	71,3	73,5	76,6	82,2
Республика Коми	53,1	56,7	57,7	59,6	65,1

Согласно данным опроса, 35,5 % жителей Архангельска, 38,8 % Мурманска и 39,6 % Сыктывкара хотели бы уехать из-

своих городов и регионов навсегда или на длительное время, а среди молодежи в возрасте от 18 до 25 лет доля потенциальных мигрантов составляет уже 51,4 %.

В этническом отношении среди выезжающих с севера преобладают представители славянских народов, т. е. численно доминирующих этнических групп. Это позволяло предположить, что доля титульных этнических групп в составе населения двух национальных республик и одного автономного округа, входящих в состав региона, именуемого «Русским Севером», будет возрастать. И результаты микропереписи населения 1994 года делали эти предположения небезосновательными. Но перепись населения 2002 года показала, что доля русских во всех регионах, за исключением НАО, возросла. А перепись населения 2010 г. свидетельствует, что доля русских выросла во всех регионах Европейского Севера и этническая гомогенизация становится устойчивым процессом. Таким образом, в статистическом отношении Европейский Север РФ продолжает оставаться «русским», поскольку русские численно доминируют во всех областях, республиках и округах. Русское население формируется не только посредством естественного прироста, но, как и в предшествующие эпохи, отчасти за счет ассимиляции этнических меньшинств, которые являются аборигенным населением региона. Так, к примеру, опрос учащейся молодежи, проведенный в Коми в 1998 году, показал, что пятая часть городских школьников (возраст 16–17 лет), у которых оба родителя коми, называли себя русскими [39]. Процессы ассимиляции в последующие годы не ослабевали, о чем свидетельствовали результаты переписи 2002 года, показавшей весьма заметное сокращение численности карел, коми, вепсов, которое невозможно объяснить только превышением смертности над рождаемостью, имевшим место в последние годы [7; 41], а также итоги Переписи-2010, подтвердившие, что тенденция к изменению культурных идентичностей усиливается, за счет чего численность уральских народов сократилась весьма значительно [41].

«Похороны» Поморья

В конце сентября 2011 года в Архангельске прошел IVСъезд поморов. После съезда в Архангельске разгорелось сначала некое подобие дискуссии о поморских делах, а затем фактически развернулась массивная антипоморская кампания [1; 26; 27; 30], в которой было много весьма показательных моментов, свидетельствующих, что архангельские «дебаты» имеют скорее не локальное, а общероссийское значение. Подобное утверждение становится возможным, поскольку обсуждение итогов съезда и вопроса о том, «кто есть поморы», позволяет судить о нерешенности многих проблем, связанных с обеспечением жизнедеятельности местных сообществ, культурным маркированием и культурным позиционированием этнических групп, позицией местных и федеральных властей по отношению к локальным сообществам. Но прежде всего важно заметить, что нынешняя антипоморская кампания является уже второй по счету: первая развернулась в 2008 году и носила экологический (а точнее – псевдоэкологический) характер. Тогда при участии нескольких известных деятелей российского шоу-бизнеса в Архангельске была организована шумная акция в защиту белька, которая активно освещалась федеральными телеканалами. Белек – это детеныш гренландского тюленя, промысел которого является традиционным [3] для поморов (ведется он также в Канаде и Северной Норвегии). Продукты промысла поставлялись в последние годы в основном в Норвегию и давали относительно неплохой доход семьям жителей поморских деревень по берегам Белого моря. Если в местных сельхозартелях они зарабатывали тогда всего примерно 100 \$ в месяц, то за полтора месяца «зверобойки» получали в два-три раза больше своего годового заработка в аграрных предприятиях. Экологи ополчились именно на российских поморов, хотя объемы добычи нерки (промышляли не белька, а более взрослую особь – серку) в России значительно уступали тем, что есть в Норвегии и Канаде, а ежегодные подвижки льда, ле-

докольные проводки убивали больше тюленей, чем добывали промысловики. Тем не менее шумная экологическая кампания с требованием запретить промысел белька представляла поморов как нарушителей хрупкого экологического баланса на Севере, как людей, стремящихся к личной наживе и готовых ради этого наносить серьезный ущерб природе. Очень быстро на данную кампанию отреагировало правительство РФ, и промысел белька официально запретили. Правда, было объявлено, что поморы получают компенсации за утраченные доходы, но хотя какие-то деньги правительством и выделялись, до адресатов они не дошли.

Экономическое положение отдаленных сельских поселений, где исторически проживали поморы, усугубляется еще и тем, что они фактически не могут заниматься рыболовным промыслом, поскольку федеральное законодательство ограничивает традиционные способы частного ловля рыбы, а организованные рыбопромысловые артели получают очень ограниченные квоты на ее вылов. В отличие от этнических групп, получивших статус «коренных народов», поморы вынуждены платить за эти квоты весьма значительные средства, что усугубляет экономическое положение очень слабых рыболовецких кооперативов. Жители поморских деревень, традиционно занимающихся рыбным промыслом и привыкшие использовать рыбу в своем рационе, не отказываются от нее, а потому вынуждены заниматься браконьерством.

В поморских деревнях помимо рыболовства прежде также занимались оленеводством, и еще в советские годы в коллективных хозяйствах Мезенского района Архангельской области было довольно большое стадо оленей. Но ныне их не осталось совсем, поскольку оленеводство стало экономически невыгодным. За пользование оленьими пастбищами коллективные хозяйства в постсоветское время должны платить земельный налог, который оказался неподъемным для них, а потому стада оленей были ликвидированы. Однако оленеводческие хозяйства из Ненецкого автономного округа, который граничит с Мезен-

ским районом, стали активно пользоваться этими пастбищами, поскольку ненцы, как этническая группа, которая имеет официальный статус «коренного малочисленного народа», освобождены от платежей за землю. Это вызвало возмущение местных жителей. Возмущение было связано как с разницей в культурных статусах поморов и ненцев, так и с тем, что поморские жители убеждены, что ненцы со своими стадами наносят урон хозяйственным интересам местных жителей: олени вытаптывают места сбора ягод и грибов, сокращают кормовую базу лосей и других животных, на которых ведется охота.

Кроме претензий к ненцким оленеводам у жителей поморских деревень существуют и многочисленные претензии к деятельности добывающих компаний, которые ведут разработку лесных угодий, осуществляют добычу алмазов, разведку месторождений бокситов, нефти. Нанесение ущерба районам традиционного природопользования и ограничение промышленной деятельности в результате прессинга со стороны государства, промышленных компаний, иноэтнических соседей не только создает конфликтные ситуации, но и приводит к тому, что местное население все отчетливее осознает свой общий интерес, отличие своих интересов от интересов соседних культурных групп и интересов, действующих в регионе крупных компаний. Такая ситуация стимулирует процессы самоорганизации людей и активизирует поиск символических ресурсов, которые можно мобилизовать для борьбы за интересы локальных сообществ. Самой эффективной формой борьбы стало поморское движение, а самым значимым символическим ресурсом является культурная отличительность поморов, их традиции и образ жизни.

Особую опасность в развитии этого движения увидели нефтяные и газовые компании, которые начинают активную экспансию в акваторию арктических морей. Дело в том, что практически всю эту акваторию можно рассматривать как территорию традиционного природопользования поморов, а значит, самоорганизация поморов объективно невыгодна нефтя-

ным гигантам, которым придется делиться доходами с поморами, но главное, согласовывать свою деятельность не только с федеральными чиновниками, но и с поморскими организациями, которые могут оказаться неуступчивыми. Поэтому для названных компаний выгоднее уничтожить поморское движение полностью. Как полагают некоторые лидеры поморского движения, первую антипоморскую кампанию спонсировали не столько экологические организации, сколько нефтяники, хотя доказать это вряд ли возможно.

Тем не менее первая кампания не привела к спаду движения, а делегаты Четвертого Поморского съезда не отказались от требования предоставить поморам как культурной группе статус коренного малочисленного народа (отдельные этнографические группы русских, например камчадалы, уже имеют подобный статус).

Стало очевидно, что нужно усилить давление на поморов. В результате была организована вторая кампания, апогей которой пришелся на 2012 год. Она представляет собой скорее идеологический и геополитический спор, в котором аргументы этнологов, правоведов и журналистов, пытающихся поддержать поморское движение, не принимаются во внимание принципиально [9; 4].

Ситуация вокруг поморов во многом показательна еще и потому, что характеризует не только сложность проблем регулирования отношений между государством и локальными культурными группами, но и отчасти современную российскую этнологию/антропологию и ее место в системе этого регулирования. Стоит заметить, что и петербургские, и московские этнологи в своих заключениях не поддержали претензии лидеров поморского движения относительно того, что поморы должны иметь статус коренного малочисленного народа Севера (хотя затем позиция несколько изменилась). Основанием для подобных заключений, на наш взгляд, послужила традиция советской этнографии, связанная с культурным ранжированием народов и некой иерархией культурных групп, которая не

позволяла приравнять интересы поморов к интересам других северных этнических групп.

Тем самым российские этнологи фактически отвергли призыв Клода Леви-Стросса к тому, чтобы антропология «изменила саму свою сущность» и перестала рассматривать изучаемые сообщества только как объекты изучения, а сами антропологи поняли, что изучаемые сообщества «стали коллективными субъектами и требуют прав на нужные им перемены» [17, с. 35], не все отечественные этнологи/антропологи услышали, и не все приняли. Между тем этот призыв как нельзя более актуален сегодня, и ситуация, складывающаяся вокруг поморов, только подтверждает это.

О проблемах, которые связаны с поморским самоопределением, уже неоднократно приходилось писать специалистам [36; 42; 32; 12; 46; 31]. Не повторяя уже изложенные факты и соображения, необходимо заметить, что «поморский диспут» в последнее время приобрел крайне скандальные и политизированные формы.

Каковы основные позиции дискуссантов? Участники последнего Поморского съезда и поморские лидеры настаивают на том, чтобы поморы были официально включены в Перечень коренных малочисленных народов РФ [13] и им были предоставлены преференции, которыми пользуются сорок с лишним этнических групп, имеющих статус «коренного малочисленного народа». Логика рассуждений проста: те группы, которые получили искомый статус, становятся более сплоченными и стабильными, их численность перестает сокращаться (пример – ненцы, ханты, манси), культурные институты получают определенную государственную поддержку, а сами представители групп за счет преференций могут организовать хозяйственную деятельность с наименьшими издержками и тем самым обеспечить себе приемлемый уровень благосостояния. Сельское население, которое причисляет себя к поморам, проживает в тех же климатических условиях и сталкивается с теми же проблемами, что и ненцы, саамы, вепсы, причисленные к коренным малочис-

ленным народам. Их благосостояние во многом зависит от использования биоресурсов, а промысловая деятельность является важной составляющей системы жизнеобеспечения. Хозяйственная специфика поморов несколько отличается, но это и есть их культурное отличие от других этнических групп. Впрочем, есть ситуации, когда группы не отличаются и в хозяйственном плане, но все равно имеют разный статус. К числу таковых можно отнести коми-ижемцев, которых, как саамов, ненцев, относят к оленеводческим группам, но которые тем не менее не включены в перечень коренных малочисленных народов, хотя активно добиваются этого с 2002 года.

Позиции оппонентов, в числе которых было и расформированное позже Министерство регионального развития РФ, сводились в принципе к тому, что поморы не подпадают под действие тех законодательных актов, которые призваны защищать культурные интересы этнических меньшинств, что не существует правовой основы для их включения в указанный выше перечень. Оппоненты поморского движения подчеркивают, что поморы – это некая мистификация («асфальтовые поморы»), и нет оснований говорить о «реальности» данной группы, а потому нет никаких оснований дискутировать по поводу необходимости предпринимать конкретные меры, направленные на защиту интересов поморского населения, а особенно на противодействие экспансии лесных, нефтяных, алмазодобывающих, туристических и прочих компаний, вторгающихся в культурное пространство региона. Целым рядом аналитиков, местных и заезжих политических деятелей (к примеру, такой одиозной в России личностью, как Кургинян, который заявил в Архангельске, что «поморы трайбализируют русский народ» [15]), громко и настойчиво подчеркивается, что поморы «не народ» и что они не отличаются от остальных русских. Иными словами, культурных отличий между территориальными группами русских нет, этническая культура русских гомогенна, а местные культурные традиции – миф. Довольно часто предпринимаются попытки манипулировать устарев-

шими классификационными категориями, использовавшимися советскими этнографами [5] для обозначения иерархии этнических групп – этнос, субэтнос, этнографическая группа. Относя поморов к иерархически более низкой классификационной группе, сторонники подобного доказательного метода преследуют определенную цель. Цель эта состоит в том, что обосновывается вывод о невозможности применения в их отношении принципов государственной поддержки, которые применимы по отношению к «статусным» народам Севера, а по сути, им отказывают в любой поддержке.

Конечно, культурные иерархии есть не только инструмент, но и своеобразное отражение неоднородности населения стран и регионов, однако неоднородность, перемещенная из горизонтальной шкалы оценок и измерений в вертикальную шкалу, становится так или иначе политическим инструментом, с помощью которого осуществляется дискриминация групп, оказавшихся в основании культурной иерархии.

Но именно номинации и культурные иерархии стали основным доводом противников оказания адресной помощи поморскому населению и признанию его в качестве субъекта региональной и федеральной культурной политики. Интересы целой культурной группы были отвергнуты как несуществующие в угоду политической и экономической целесообразности и ложно понятым государственным интересам.

Противники того, чтобы поморы и другие аналогичные группы (устыцилемы, заонежцы, коми-ижемцы и пр.) не включались в Единый перечень коренных малочисленных народов, также активно отстаивают тезис о том, что поморы сами не осознают себя как особую культурную группу, что поморская идентичность не существует, а потому и нет оснований считать их особым сообществом. Кроме того, используется и сугубо культурный аргумент: чтобы доказать культурную самобытность группы, надо доказать, что ее представители говорят на самостоятельном языке, отличном от языка того этнического сообщества, к которому их причисляют. Хотя для любого ан-

трополога очевидно, что собственный язык не является единственным или важнейшим критерием, с помощью которого можно определять статус культурной группы или ее самобытность.

Из публичного дискурса сознательно или неосознанно исключены две важнейшие проблемы, а именно: проблема культурных прав местного населения и проблема дискриминации. Мы подчеркнули понятие «местное население», ибо принципиально важно не то, как называть ту или иную группу (проблема культурных номинаций), а насколько учитываются ее интересы, в какой мере эти интересы защищены нормами права. При этом степень укорененности различных групп населения, их правовой статус все же вторичны, поскольку базовым конституционным принципом, из которого следует исходить, рассматривая положение той или иной культурной группы (а точнее положение ее представителей), – это принцип равенства прав всех граждан страны и равенства возможностей по реализации своих прав.

Те архангельские исследователи, которые были вовлечены во вторую антипоморскую кампанию, не являются профессиональными этнологами/антропологами, этнополитологами или правоведами, постольку они почти не ссылались на этнологические знания, опыт этнополитики и на нормы права, а старались апеллировать к неким геополитическим интересам России. В этой связи самым весомым аргументом, выдвинутым против лидеров поморского движения и сторонников «поморской идеи», являются обвинения в сепаратизме, в попытках использовать этничность и культурную специфику не просто для решения неких местных проблем, но для «развала России» [2; 26]. В результате такой аргументации Национально-культурная автономия поморов Архангельска по решению областного суда 4 апреля 2011 г. была ликвидирована, против одного из лидеров поморского движения Ивана Мосеева было возбуждено уголовное дело и его обвинили в разжигании межэтнической вражды, хотя достаточных оснований для

этого не было. Суд постановил, что обвиняемый должен выплатить штраф в размере 100 тысяч рублей. Другие поморские лидеры вынуждены были отказаться от активной деятельности.

Перепись населения 2010 г. в свою очередь показала, что число тех, кто называет себя помором, сократилось по сравнению с предыдущей вдвое. Тем не менее эти данные не в полной мере отражают реальные культурные ориентации населения Архангельской области и сопредельных регионов (Мурманской области, Республики Карелия, Ненецкого автономного округа), поскольку качество проведения переписи было низким, доля анкет, в которые информация заносилась не со слов самих респондентов, а из вторичных источников, была довольно значительна. Особенно существенно это сказалось на фиксации сведений об этнической идентичности людей. Но важно, что поморская идентичность сохраняется, и, следовательно, говорить о том, что поморы как культурная группа более не существуют, еще рано.

Вместе с тем разгром поморского движения породил стремление к тому, чтобы «девальвировать» значение терминов «Поморье», «поморский», под предлогом того, что они являются «вирусом, внедряемым в общественное сознание». С этой целью некоторые местные интеллектуалы стремятся убедить общественность, что поморские союзы и объединения являются «геополитической авантюрой», а одновременно маркировать север как сугубо «русский» регион. Русскость региона должна подтверждаться и топонимически, а потому вновь необходимо актуализировать как топонимическое, так и этнополитическое значение термина «Русский Север». И в этом смысле весьма показательное заявление сделал профессор Северного (Арктического) университета Юрий Лукин: «Необходимо заметить, что противопоставление Русского Севера и Поморья объективно выгодно геополитическим нашим конкурентам в Арктике и в конечном счете направлено на разрушение самосознания и идентичности всего русского народа, на интернационализацию арктического пространства в вопросах освоения

углеводородных ресурсов и использования транспортных путей» [18, с. 14].

Чтобы окончательно ослабить поморское движение и особенно защищаемые им идеи культурной отличительности поморов, в Архангельске прекращено финансирование акций с поморским культурным содержанием и, наоборот, все большую поддержку получают организации русофильской направленности, такие как региональное отделение Всероссийского созидательного движения «Русский Лад».

Становится очевидным, что поморская идея окончательно лишилась официальной и отчасти общественной поддержки и «похоронена» властями региона. Одновременно усиливается тенденция политизации термина «Русский Север» и использование его как символического ресурса, который может быть использован не только для символического маркирования Европейского Севера, но и в деле административного объединения северных регионов, о необходимости которого уже неоднократно говорили некоторые российские специалисты.

Однако для нового прочтения термина необходима большая работа, которая не может базироваться на конфликте культурных символов и культурных позиций, очевидно проявляющемся сегодня в среде архангельских интеллектуалов [20]. Нужна долгая, последовательная, созидательная работа широкого круга экспертов и общественных деятелей, как это имело место во второй половине XIX столетия. Но если тогда Север привлекал общественное внимание, то сегодня ситуация иная. Сегодня Европейский Север – это депрессивный регион, который вновь воспринимается как периферия. При этом политическое и культурное значение данного региона явно недооценивается, и потому разрабатываются специальные программы регионального развития для Северного Кавказа, Приморья, Сибири, Крыма, но не для Европейского Севера, хотя данный регион начиная с XIX в. воспринимается как историческое ядро российского государства [34]. Поэтому, несмотря на громкие дискуссии последних лет, полная топонимическая переключе-

фикация Европейского Севера еще не произошла, хотя и вполне возможна, ибо в публичной сфере необычайно усилилась конкуренция между геокультурными понятиями «Поморье» и «Русский Север». Судя по всему, в эту конкуренцию уже вмешались весомые политические игроки, что позволяет говорить о возможности новой актуализации понятия «Русский Север» и о наполнении его неким новым не только культурным, но и политическим смыслом. Во всяком случае, сегодня идет активная борьба за «русскость» названного региона, которая может быть инспирирована не столько какими-то движениями или политическими силами, сколько вполне рациональными интересами политических и экономических акторов, не всегда совпадающими с интересами населения региона.

Для этнокультурного развития Европейского Севера сегодня наиболее характерным являются две культурные коллизии: борьба за доминирующее положение в символическом пространстве региона или локальной территории и борьба за культурный статус. Причем борьба за статус тесно связана с борьбой за доминирование в символическом пространстве. Ненцы, саамы и вепсы включены в Единый перечень «коренных малочисленных народов», коми-ижемцы, поморы и отчасти устьицелемы, проживающие в Ненецком автономном округе, стремятся к получению данного статуса, лидеры этнических организаций коми и карел заявляют об этих народах как о «коренных» и пытаются обосновать их особое (доминирующее) положение внутрирегиональных сообществ Карелии и Коми.

В этом смысле весьма любопытно обратить внимание не только на стремление этнических организаций в национальных республиках объявлять эти республики «собственностью» титульной этнической группы [44], но и на их попытки этнически маркировать общее социальное пространство региональных сообществ, в частности городские территории, где этнические меньшинства никогда не играли какой-либо значимой роли. Так, к примеру, в Республике Коми с самого начала 1990-х годов на съездах коми народа и городских конференциях межрегио-

нальной организации «Коми войтыр» в публичных выступлениях этнических активистов звучит призыв «придать национальный колорит столице Коми» [28]. В основном подобную идею поддерживают активисты этнокультурных организаций из числа гуманитарной интеллигенции, которые сами в подавляющем большинстве являются выходцами из коми сел. Тем самым они пытаются примирить свою ментальность с космополитичным и унифицированным пространством большого города, сделать это пространство «своим». Подобные идеи и устремления есть своего рода форма «этнической макдональдизации». Сущностью макдональдизации, по Ритцеру [22], изначально являлось развитие сетей быстрого питания (и вообще унификация служб сервиса в городе) для того, чтобы приезжий человек всегда и везде ощущал себя как дома. Борьба за символическое визуальное пространство города, равно как и за символическое пространство региона, есть одна из форм борьбы за сохранение культурной отличительности групп, которые в системе советской/российской этнической иерархии нередко называются «коренными народами». Этничность в российских городах, которые являются столицами «национальных республик», часто представляют неким универсальным способом маркирования поликультурной и стандартизированной городской среды. Главная идея сторонников этой идеи состоит в этнизации всего публичного пространства города/региона в символическом «завоевании» этого пространства, поскольку приватное культурное пространство стремительно деэтнизируется и унифицируется, равно как и семейный быт горожан [23]. Но символическое «завоевание» есть лишь первый шаг, который предполагает, что вслед за ним начнется борьба за культурное и политическое доминирование этнической группы в данном конкретном в регионе. В этом смысле стремление маркировать Европейский Север как Русский Север и политизировать значение самого названного топонима есть, по выражению французской исследовательницы Марлен Ларюэль, борьба за «признание этнических русских коренным народом России, либо образования внутри Фе-

дерации новых административных единиц, в которых этнические русские пользовались бы особыми правами...» [16, с. 28]. Причем в данном случае можно говорить не столько о стремлении создать в перспективе некие «русские» административные единицы, сколько о возможном объединении национально-государственных образований, созданных большевиками на Европейском Севере, в единый регион под предлогом его «исконной русскости» и его топонимического русского наименования, и косвенным образом борьбу за Русский Север можно рассматривать и как борьбу с национализмом этнических меньшинств на Европейском Севере России. Более того, сегодня сторонники русского национализма ставят перед собой задачу борьбы с «внутрирусским региональным сепаратизмом», к которому относят сибирский сепаратизм, казачий сепаратизм, калининградский сепаратизм, дальневосточный и уральский и, конечно, поморский сепаратизм. Необходимость борьбы с названными формами сепаратизма обосновывается тем, что они разрушают некое исконное единство русских. В Меморандуме Экспертного центра Всемирного русского народного собора по этому поводу заявлено: «Стратегия творцов внутрирусского регионального сепаратизма не имеет сколько-нибудь серьезной этнокультурной почвы. Домыслы о гетерогенности русского народа – это миф, имеющий сугубо политическую природу. По мировым масштабам русские – исключительно цельная, единая нация. По степени религиозного и языкового единства регионов, по близости культурных матриц русские не имеют аналогов среди крупных наций планеты» [19]. Первой жертвой этой борьбы стало поморское движение.

Заключение

Русский Север как исторический топоним является довольно поздним понятием; как культурно-исторический регион эта территория никогда не была собственно «русской», но русское население здесь начинает преобладать уже в средне-

вековье. Однако это население маркировалось и маркировало себя по-разному, а культурные идентичности и культурные маркеры были тесно связаны с официальной идеологией и политикой. Сам же термин «Русский Север» ныне в большей мере утратил топонимическое значение и имеет фольклорно-этнографическое содержание в научной и культурологической литературе. Утрата этнической маркировки Европейского Севера, однако, диссонирует с попытками однозначно этнически маркировать другие полиэтничные российские регионы – «кавказские регионы», «финно-угорские регионы» [44]. Сегодня Европейский Север – это депрессивный регион [16; 21], который вновь воспринимается как периферия. При этом политическое значение данного региона явно недооценивается, и поэтому разрабатываются специальные программы регионального развития для Северного Кавказа, Приморья, Сибири, но не для Европейского Севера. Возникла любопытная культурная ситуация, которая характеризуется тем, что самый «русский регион» страны обойден вниманием политического руководства. По мнению известного российского этнолога А. Головнева, геопозиция России выглядит размытой, поскольку в национальном самосознании россиян «северная перспектива» явно недооценена, хотя в цивилизационном плане «северпредстает не стороной света, а основным пространством нестоличной России» [10, с. 476]. Впрочем, о многозначности восприятия севера и неопределенности северной политики современной России пишут и многие зарубежные исследователи [45]. Очередная перекалфикация Европейского Севера в политически значимый регион еще не произошла, хотя и вполне возможна, ибо в публичной сфере необычайно усилилась конкуренция между геокультурными понятиями «Поморье» и «Русский Север». Судя по всему, в эту конкуренцию уже вмешались весомые политические акторы, что позволяет говорить о возможности новой актуализации понятия «Русский Север» и о наполнении его неким новым политическим смыслом. Во всяком случае, сегодня идет активная борьба за «русскость» на-

званного региона, которая может быть инспирирована не столько какими-то этническими движениями, сколько вполне рациональными интересами крупного бизнеса, интересы которого далеки от интересов населения региона. Что касается границ Русского Севера, то следует согласиться с теми исследователями, которые полагают, что под ними следует понимать «территории Архангельской, частично Вологодской, Олонецкой губерний, составлявших на момент начала XX века единство в административном, экономическом, этнокультурном отношении, что осознавалось местными элитами и простым населением региона» [10, с. 117]. В современных административных границах Русский Север охватывает территории Мурманской и Архангельской областей, Ненецкого автономного округа, Республики Карелия и Республики Коми. Но эти границы достаточно условны и не имели до сих пор особого смысла, поскольку со времен Энгельгардта в понятие «Русский Север» вкладывается прежде всего символическое значение. Однако дальнейшая политизация термина «Русский Север» неизбежно будет актуализировать и дискуссии о границах данной историко-культурной провинции.

***

1. Архангельские ученые считают нынешних поморов не более чем «новоделом». URL: <http://www.arnews.ru/news/1447422.html>
2. Бережков Дмитрий. А причем здесь Джамахирия? URL: <http://www.fishkamchatka.ru/?cont=long&id=35917&year=2012&to>
3. Бернштам Т.А. Народная культура Поморья. М.: ОГИ, 2009.
4. Битва за Россию/Норвегия хочет получить кусок матушки России из рук предавших ее сыновей(22-04-2012). URL: <http://rusinform.ru/index.php?newsid=664>
5. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
6. Власова И.В. Этническая история и формирование населения Русского Севера // Этнопанорама. 2005. № 1–2.
7. Вот какие мы – россияне// Российская газета. 22 декабря 2011 г.
8. Габрусевич С.А. Проблема терминологического определения Русского Севера в контексте изучения гражданской войны в регио-

не//Российские и славянские исследования: Научный сборник. Выпуск VI. Минск: БГУ, 2011.

9. Герасименко О. Мы на своей земле не хозяева // Коммерсант. Власть. № 23 (977). 11.06.2012.

10. Головнев А.В. Северная перспектива в истории России // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург; Москва: Академкнига, 2004.

11. Дробужева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996.

12. Егоркин В.Г. Поморское движение как одно из направлений этнической реидентификации // Общество. Среда. Развитие (Terra-Humana). 2010. № 4. С. 24–31.

13. Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации: Постановление Правительства от 24 марта 2000 года № 255 // Российская газета. № 66. 05.04.2000.

14. Есипов П. Двойные стандарты // Единый мир. 2006. Вып. 8(20).

15. Кургинян Сергей: «глобики», «микрики» и «Братья мусульмане». URL: <http://news.nordportal.ru/analytics/detail.php?ID=314894&page=3>

16. Ларюэль М. Еще раз к вопросу о классификации идеологических течений русского национализма // Русский национализм. Социальный и культурный контекст/ сост. М.Ларюэль. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

17. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1999.

18. Лукин Ю.Ф. О русском поморе замолвите слово//Арктика и Север. 2012. №71.

19. Меморандум Экспертного центра Всемирного русского народного собора. URL:<http://www.gosrf.ru/news/12577/>

20. Никитин Сергей. Война брендов? «Поморье» и «Русский Север». Что за? URL: http://vk.com/topic-36068469_27616175

21. Пилясов А.Н.И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Либроком, 2009.

22. Ритцер Дж. Макдональдизация, глобализация/американизация и новые средства потребления // Современные социологические теории. 5-е изд. СПб., 2002.С.497-506.

23. Рогачев М.Б., Рябинкин Г.С., Шабаев Ю.П. Город на Сыsole: культурное пространство столицы Коми и городская идентичность//

Европейский Север: локальные группы и этнические границы (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Вып. 71). Сыктывкар: Институт ЯЛИ, 2012. С. 60–98.

24. Русских отучают от государства. URL: <http://www.segodnia.ru/content/110183/14/06/2012/>

25. Север: проблемы периферийных территорий / отв. ред В.Н. Лажнецв. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2007.

26. Семушин Дмитрий. Поморы против русских – Норвегия против России. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1457229html#xzz1bBFnC9IQ>

27. Семушин Дмитрий: «Коммерсант» на защите «детей лейтенанта Шмидта» и этносепаратизма на Русском Севере? URL: <http://arhangelsk.bezformata.ru/listnews/shmidta-i-etnoseparatizma-na-russkom-severe/4897218/>

28. Сивкова А. Особенности национального колорита обсуждали на конференции коми народа в Сыктывкаре. URL: <http://www.finugor.ru/node/9419/28/10/2008/>

29. Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2011.

30. Трофимов Виталий. Модная борьба с поморским движением / Радио «ЭХО Москвы», 6 февраля 2012. URL: <http://echo.msk.ru/blog/trofimov/856254-echo/>

31. Трофимов В.Д. Поморы решили основательно побороться за свои права // URL: <http://www.pomorcpr.org/monitoring/?id=3608>

32. Тулаева С.А. Поморская идея: возникновение и развитие // Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 5–17.

33. Филатов С.Б. Архангельский край – хранитель духовных традиций Новгородской республики // Гуманитарные исследования и гуманитарное образование на Европейском Севере: сборник материалов международной научной конференции (Архангельск, 16–18 сентября 2002 года). Архангельск: Поморский государственный университет, 2002.

34. Шабаев Ю.П., Жеребцов И.Л., Журавлев П.С. Русский Север: культурные границы и культурные смыслы // Мир России. 2012. № 4. С. 134–153.

35. Шабаев Ю.П. Русский Север в этнокультурном и этнодемографическом измерении // Известия Коми научного центра. 2010. № 3. С. 76–82.

36. Шабает Ю.П. «Бунтующая этничность» на Европейском Севере РФ // Обществениые науки и современность. 2006. № 3. С. 94–104.

37. Шабает Ю.П. Время кризиса и этнополитические представления молодежи // Идентификация идентичности. Т. 2. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. С. 91–113.

38. Шабает Ю.П. Кому нужны поморы?//Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 51. 2003.

39. Шабает Ю.П. Народы Европейского Севера России: положение, специфика идентичности//Социологические исследования. 2011. № 2. С. 54–62.

40. Шабает Ю.П. Новые идентичности у финно-угров как политические инструменты// Этнографическое обозрение. 2006. № 1. С.13–27.

41. Шабает Ю.П. Республика Коми: этническая ассимиляция или культурный плюрализм?//Этнокультурный облик России: перепись 2002 года/ отв. ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков. М.: Наука, 2007. С. 79–92.

42. Шабает Ю.П. Спор вокруг поморов: кто прав//Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 73, май-июнь 2007. С. 11–15.

43. Шабает Ю.П., Дронова Т.И. Шарапов В.Э. Коми-ижемцы, поморы и устьилены: модели культурных трансформаций// Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 173–190.

44. Шабает Ю.П., Чарина А.М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2010.

45. BjørnBrunstad, Eivind Magnus, Philip Swanson, GeirHønneland, IndraШverland Big Oil Playground, Russian Bear Preserve or European Periphery? The Russian Barents Sea Region towards 2015. Eburon Delft: Eburon Academic Publishers, 2004.

46. Shabaev Yu. Ethnic conflicts in the European North of Russia // Anthropology & Archeology of Eurasia. Winter 2009/10. Vol. 48. No. 03. PP. 31–75.